

Памяти
Елены Викторовны Падучевой
(26 сентября 1935 — 16 июля 2019)

Не стало Елены Викторовны Падучевой.

Удивление, восторг и благодарность чувствуешь, глядя на ее шестидесятилетний научный путь — от первых работ и рецензий, где она на равных дискутировала с Якобсоном и только что появившимся тогда Хомским, до вышедших в последние годы двух больших книг — об отрицании и эгоцентрических элементах языка. Самая талантливая из учеников Вячеслава Иванова и Владимира Успенского, которые были всего на пять-шесть лет ее старше и ушли почти одновременно с ней, она очень рано заставила о себе говорить как о замечательном лингвисте и теоретике языка поколения советского «оттепельного» структурализма. Это при том, что она всегда была больше и глубже структурализма как такового.

В эпоху, когда математизация языкознания была в моде, Падучева восприняла и применила аппарат математической логики именно так, как того требовал языковой материал, — и в этом она намного опередила мировые тенденции в области формальной семантики. Всю жизнь она умела следить за всем, что происходит в лингвистическом мире, принадлежать не истории науки, а сегодняшнему дню, и при этом быть ни на кого не похожей.

Ее умели ценить: знаменитый Роман Якобсон в один из первых приездов в Москву вызвал 23-летнюю Падучеву на персональный диспут о падежах, а позже написал в одной из своих статей: «Елена Викторовна Падучева, один из наиболее наблюдательных исследователей неявных и иррациональных форм естественного языка». Эпохой позже Мартин Хаспельмат скажет, что его типологии местоимений без книги Падучевой «Высказывание и его соотношенность с действительностью» не было бы. Она была избрана членом Американской и Европейской академий. Революция в славянской аспектологии — поворот в сторону дискурсивного анализа вида — началась именно с Падучевой.

Для этих «неявных и иррациональных форм» она придумывала ясные и запоминающиеся метафоры. Для нее высказывание было целым миром, игрой и кинокартиной, в которой важным самостоятельным персонажем выступал Наблюдатель, а участники ситуации уходили за кадр (За Кадр, с больших букв) или прятались там. Вслед за Якобсоном она любила поэтическую ткань текста, которая соединяет высказывания и осмысливает глагольный вид и анафору, актуальное членение и логическую структуру. Художественное слово сопрягает все разнородные предметы падучевских работ в единый сюжет. Языковые явления она виртуозно раскрывала на материале работ «великих мастеров аномалий» — Льюиса Кэрролла, Набокова, Платонова; когда писатель-экспериментатор нарушает закономерности, сами

эти закономерности видны четче. А «Шинель» Гоголя помогла понять Елене Викторовне эгоцентрический характер неопределенности в языке. Одна из самых частотных фамилий в ее научных работах — Пастернак; восторг перед ним — одновременно чувство современницы, человека 50-х годов, и ученого, который заметил, что Пастернак «впадает в нарратив», переходит из речевого режима, свойственного лирике, в повествовательный. В первом своем учебном курсе она посвятила целое занятие разбору «Марбурга», принципиально важного для Пастернака стихотворения — и в аудитории звучал голос самого автора на принесенной студентами магнитофонной записи.

У Елены Викторовны был не только талант великого ученого — самостоятельно выбирать и разрабатывать подходящие сюжеты, но и дар обыкновенного счастливого человека — проявлять искренний интерес к жизни и к новому, заниматься именно тем, чего хочется. Она никогда никакими подразделениями не руководила, а до 64 лет и ничего нигде не преподавала, пока Александр Евгеньевич Кибрик ее не уговорил (и благодаря этому с ней познакомился автор этих строк). При этом она регулярно ходила на ведущие лингвистические семинары, активнее всех участвовала в обсуждениях — и в компании молодых участников грамматического семинара в ИРЯ казалась столь же юной, как и в те годы, когда потрясла Якобсона талантом и характером. Она соблюдала все дедлайны и была необычайно ответственной. До высоких стандартов, которые она задавала на восьмом и девятом десятке, мы все так или иначе не дотягивали. У нее было много друзей и хороших знакомых из разных поколений, и ей хотелось знать все про всех. «Ну, рассказывайте!» — и она могла долго слушать, смеяться (ее смех, как сказала одна коллега, был не «заразительным», а божественным, неподражаемым), вспоминать случаи из своей жизни. Она сама была замечательной рассказчицей, но прежде всего ей хотелось именно слушать.

Аристократичная осанка, независимость, внутренняя свобода, достоинство — все это бросалось в глаза с первого взгляда. Еще невероятнее они с Андреем Анатольевичем Зализняком смотрелись вместе. Двух научных гениев и двух счастливых и свободных людей судьба свела еще в студенчестве, и они прожили рядом без малого шестьдесят лет. В соавторстве они написали немного, но эти работы (например, «О типологии относительного предложения») очень важны, а взаимные советы, влияния, поддержка никакой формализации не поддаются. После внезапной смерти Андрея Анатольевича, несмотря на всю усталость и невыносимую боль, Елена Викторовна довела до издания свою последнюю книгу и посвятила ее: «Моему мужу — Андрею Зализняку».

Зализняк и Падучева были для отечественных лингвистов (и далеко не только для них) недостижимыми авторитетами и одновременно очень близкими и дорогими людьми. Теперь начинается новая, другая эпоха: не будем думать, что будет дальше, а поблагодарим судьбу за это необычайное сочетание.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Фото Натальи Сергеевны Матвеевой